

DOI: 10.24411/2308-8079-2020-00008

УДК 316.4:316.72(470.2)

**ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ
И СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ
ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Пулькин М.В.

Статья посвящена проблемам функционирования социального контроля как значимого фактора повседневной жизни населения Олонецкой губернии. Выявлено, что социальный контроль включал несколько основных компонентов. В их числе приоритетное место занимали деятельность приходского сообщества и крестьянских общин в деле поддержания традиционного уклада жизни. Заметное содействие социальному контролю оказала постепенно формирующаяся система народного образования. Поддержание социального контроля в некоторой мере опиралось на растущую активность правоохранительных органов.

Ключевые слова: социальный контроль, девиантность, преступность, крестьянство, горожане, народное образование.

**TRADITIONAL SOCIAL NORMS AND VALUE SYSTEM
OF THE OLONETS'S PROVINCE POPULATION
IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

Pulkin M.V.

The article describes problems of the social control functioning as a significant factor in the daily life of the Olonets's province population. It was revealed that the social control included several main components. Among them the activity of the parish community and peasant communities in maintaining the traditional way of life was a priority. A noticeable contribution to social control was provided by the gradually emerging system of public education. Maintaining social control to some extent relied on the activity of law enforcement agencies.

Keywords: social control, deviance, crime, peasantry, townspeople, public education.

Выбор приемлемых вариантов повседневного поведения для каждого индивида крайне ограничен. Государственный контроль, мощное давление социума, собственные устойчивые представления, а нередко и «комплексы» той или иной личности, с древних времен стали ограничителями разнообразных индивидуальных предпочтений [12, с. 119; 13, с. 52-56]. Все указанные факторы неповторимы для каждой эпохи и территории. Они определяются «объективными закономерностями развития конкретного общества» и могут в то же время рассматриваться «как одна из его важнейших типологических характеристик» [16, с. 3]. В современной литературе подчеркивается особое общественное значение социального контроля: он вполне оправданно рассматривается как «более эффективное средство обеспечения законопослушности граждан, чем контроль репрессивный, карательный». Ведущая роль в формировании социального контроля отводится культуре, «преисполненной высокими нравственными требованиями». Общественные императивы обеспечивают «более действенный контроль за нарушением норм», чем такая культура, которая воспринимает надзор только как «причинение боли своим "оступившимся чадам"» [3, с. 29].

Цель данной статьи заключается в исследовании действия составных элементов социального контроля, заключающихся, по мнению автора, в нормативном давлении со стороны общества, семейных традициях, традиционных стандартах жизни церковного прихода и в целом в христианских этических нормах, а также в становлении и росте влияния систематического начального образования.

В современной науке социальный контроль рассматривается как «механизм самоорганизации (саморегуляции) общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка, устранения, нейтрализации или минимизации нормонарушающего (девиантного)

поведения» [4, с. 14]. Социальный контроль является одной из определяющих проблем при анализе общественных изменений и изучении опыта поддержания стабильности социума. Первая мысль, которая возникает при обращении к этой проблеме, связана с нормотворческой деятельностью государственного аппарата. Однако возможности государства, обуславливающие контроль над жизнью граждан, постепенно нарастая, оставались незначительными.

Система местных органов власти, в том числе полиция, постепенно увеличивая число служителей закона и количество областей контроля, неуклонно обретая новые полномочия, оставалась малоэффективной и проникала далеко не во все сферы жизни подданных, особенно в сельской местности. Доминирующим средством каждодневного социального контроля оставалось крестьянское сообщество. Его компетенция не претерпевала существенных изменений в течение изучаемого периода, опираясь не столько на нормы закона, сколько на традиции, заветы предков и собственные, далекие от писаных законов крестьянские представления о нормальном, социально приемлемом поведении. Эти представления могли не только совпадать с правовыми актами, но и даже являлись явно преступными или «дикими» с точки зрения европеизированной элиты российского общества. Однако их альтернативой мог стать только хаос: критики существующих порядков оказались не способны разработать иные пути поддержания стабильности общества.

Положенные в основу данной статьи материалы из повседневной жизни населения Олонецкой губернии, дают обильную пищу для размышлений на все перечисленные темы. В традиционной культуре представления о норме варьируются в зависимости от различных ситуаций и даже от времени суток или сезона года, когда индивиду или коллективу приходится делать выбор между «нормальным» и «недопустимым» стереотипами поведения. Значительное число примеров специфических жизненных ситуаций связано с промыслами и вообще с практической стороной повседневной жизни. В Заонежье среди рыбаков считалось обязательным «хорошо накормить» любого

путника после захода солнца. Но до заката «нельзя было отдавать ни одной рыбешки» [15, с. 42]. В начале XX в. у некоторых вполне благополучных местных жителей считалось нормальным регулярно просить «Христа ради», превращая столь сомнительное занятие в своеобразный сезонный промысел. Ситуация выглядела следующим образом. По окончании полевых работ совсем не бедствующие местные жители отправлялись нищенствовать в соседние губернии. Им удавалось не только раздобыть себе и семьям пищу, но и сэкономить корм для лошадей, привезти домой разнообразный товар, весело провести время и т.д. В конечном итоге односельчане приходили к простому умозаключению: нищенство – «легкий и хороший заработок», к которому необходимо стремиться [21, с. 255-256].

Перечисленные и многие другие особенности каждодневного поведения вели к бесконечному усложнению рекомендаций, связанных с «нормальным» поведением, и серьезно усложняли социальный контроль. В период реформ ситуация заметно усугубилась. Сельская община (или церковный приход) утратили свое предназначение — освобождать индивида от проявления неупорядоченной активности, устранять перенапряжение сознания в связи с беспрестанным принятием решений в ситуации нестабильности и неопределенности. Под угрозу тогда оказалось поставлено важное многовековое достояние местного сообщества как социального организма — солидарность. Известно, что «девиантологические факторы в немалой степени связаны со снижением сплоченности общества» [6, с. 249]. Срабатывала общая закономерность. В обычной жизни при сохранении общественной стабильности все стараются по мере сил следовать принятым нормам. Но в условиях нарушения привычного уклада жизни одни лица демонстрируют большее стремление следовать общепринятым образцам поведения. Другие проявляют склонность регулярно нарушать существующие правила поведения: они стремительно формируют девиантную среду [11, с. 130].

Важная роль в сложившихся в течение веков методах социального контроля отводилась церковным сообществам. Среди них наиболее массовой

формой стал церковный приход, призванный неустанно транслировать ценности Христианства в повседневную жизнь мирян. При осуществлении социального контроля на приход возлагались разнообразные задачи. Наиболее заметными стали функции, связанные с исповедью. В течение всего доступного для изучения периода отказ от участия в таинстве покаяния (исповеди) рассматривался как проявление политической неблагонадежности и мог повлечь за собой ограничение в правах. Другим направлением контроля было венчание. Осуществление таинства брака находилось под неусыпным контролем приходского духовенства. Священник обязывался выявить возраст вступающих в брак, отсутствие между ними близких степеней «духовного и плотского» родства, добровольность заключения брачного союза. Венчаться разрешалось только в собственном приходе, что при отсутствии конкуренции приводило к злоупотреблениям.

Являясь важнейшим элементом социального контроля, приходское духовенство в то же время само становилось объектом неусыпного надзора. Во-первых, со стороны прихожан и, во-вторых, со стороны епархиального начальства. Прихожане осуществляли контроль над клириками преимущественно косвенным образом. Известно, что материальное благополучие духовенства в значительной мере зависело от «доброхотства» крестьян, их готовности предоставлять служителям церкви средства к существованию («ругу») и земельные наделы. Все попытки духовной власти поменять невыгодную для клириков ситуацию, найти стабильные и не зависящие от воли прихожан пути и формы обеспечения духовенства, не увенчались успехом. В ряде случаев, особенно в XVIII в., духовенству могла угрожать расправа. Но и сама духовная власть во все большей степени стремилась контролировать приходское духовенство, что осуществлялось благодаря деятельности благочинных, регулярно посещавших приходы. Они же регулярно составляли донесения, служившие первичным материалом для епархиальных отчетов.

Устав духовных консисторий прямо предписывал приходскому духовенству наставлять народ в духе «благодетельности и послушания властям» [27, с. 6]. Но такая деятельность оказалась непростой. В России общие представления о грехе в том виде, в каком они жили в массе русских, не расходились с православным учением. Но «при конкретизации их в повседневной жизни, в применении их к определенным случаям, эти представления могли несколько отклоняться от канонических». Отклонения могли быть разными: «иногда в сторону усиления осуждения греха, расширительной трактовки того, что осуждается как грех». Иногда же, напротив, «в сторону послабления в осуждении и даже полного отрицания греховности некоторых поступков» [5, с. 94]. Совершенные грехи делились «на те, за которые человек лично отвечал перед Богом, и грехи, ответственность за которые распространялась и на коллектив» [14, с. 713]. Осознание соотношения между грехом и преступлением оставалось сложным делом. Нарушение договора становилось и грехом, и преступлением, поскольку при его заключении присутствовало обращение к Богу. Церковные нормы и традиции поведения северных крестьян пересекались и в сфере сексуального поведения. В XIX в. рождение внебрачного ребенка рассматривалось карелами как «отступление от одобренного традицией жизненного сценария», которое «обязывало женщину всю последующую жизнь раскаиваться в содеянном» [9, с. 40].

Оценивая церковное влияние, следует отметить, что оно оказалось разносторонним и приобретало различные черты в те или иные исторические периоды. По сути дела, Церковь в обществе выполняла ту функцию, которую сегодня принято называть «профилактикой преступности». Однако сфера ее компетенции оказалась значительно шире. Находясь в непосредственном контакте со множеством верующих, священники вполне могли первыми узнавать о тревожных, подталкивающих к радикальным действиям, слухах, способных стать источником народных волнений. Иногда и в самой Церкви отмечались случаи отклоняющего поведения. Так представители духовенства

допускали общественно опасные поступки и вступали в имущественные споры с прихожанами. При столкновениях с радикальными сторонниками старообрядческого вероучения клирики вместо увещаний прибегали к помощи полиции, что способствовало росту эсхатологических настроений.

Отклоняющееся поведение связано с разнообразными общественно опасными деяниями. По утверждению С. Московичи, «общество, имеющее прочные практические и правовые устои, терпимо по отношению к отклоняющимся или нонконформным явлениям». Однако при нарушении социальной стабильности угроза, исходящая от девиантных проявлений, существенно возрастает [17, с. 65]. Эпоха перемен вынуждает соответствующие структуры уделять большее внимание отклоняющемуся поведению, фиксируя и внимательно изучая те или иные нарушения устоявшихся норм. Всевозможные преступления против личности, судя по документам, встречались в истории Европейского Севера России постоянно. Имелась отчетливая тенденция не только к их численному росту, но и увеличению масштабов ущерба и числа жертв. Как писал современник событий, «преступность в пределах Европейской России, несомненно, увеличивается». Она растет «в прогрессии, превышающей рост населения» [26, с. 142].

Возможности общества противопоставить негативному поведению иные, «правильные», одобряемые нормы, а также эффективную карательную систему оказывались небольшими и имели тенденцию к сокращению. Речь шла о крайне немногочисленном полицейском аппарате, в котором важнейшая роль отводилась стражникам и полицейским урядникам. Современник событий так описывал их предназначение: «Без содействия полицейского урядника мало кто из администрации обходится. Первоначальное расследование уголовного дела в деревне и розыск по горячим следам всецело зависят от того же полицейского чина». Причина очевидна: «сюда судебная и полицейская власть не скоро может прибыть, ибо и самые донесения о происшествиях они могут получить не ранее как через несколько дней» [8, с. 3]. В начале XX в. закон возлагал на полицию «предупреждение готовящихся, раскрытие совершившихся и

пресечение обнаружившихся преступных деяний». Все эти меры осуществлялись в тесном взаимодействии с судебной властью. При получении информации о преступлении полиция обязывалась «тщательно охранять следы преступлений», принимать «безотлагательно самые энергичные меры к обнаружению и в надлежащих случаях задержанию виновных». Далее следовало перейти к «первоначальному дознанию», которое «произвести быстро и толково» [25, с. 7].

Создание системы следственных органов оказалось непростой задачей и сильно растянулось во времени. Речь шла о подборе кадров, организации следствия и других законных действиях, обеспечивающих неотвратимость наказания виновных. Формирующаяся государственная система противостояния девиантности опиралась на судебные органы, следствие, пенитенциарную систему и не в последнюю очередь на нормы обычного права. Однако соотношение неписанных норм и закона, судебных решений оставалось непростым: обычное право могло как противостоять законодательным нормам, так или усиливать, дополнять их. Северные крестьяне не любили выносить сор из избы и нередко решали споры на сходах, минуя суд. Во всяком случае, неизвестный автор записки о «Примеченном образе правления в деревнях разного рода государственных крестьян» писал, что на сходах нередко «определяются прошения о завладении землей <...> которые еще в канцелярии неизвестны», а также многие другие проблемы, способные привести или уже приведшие к девиантным проявлениям [22, л. 148].

Государство осуществляло функции социального контроля в тех значимых сферах, которые оставались недоступными для местного самоуправления. Так «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» с екатерининских времен предписывало судам исполнять широкий круг поручений, куда входили розыск и поимка беглых крестьян, наблюдение за исправностью дорог, за торговлей и уровнем цен. Другой судебный орган, городской магистрат, выполнял «не только судебные, но и административно-хозяйственные функции»: следил за состоянием тротуаров и дорог в городе,

чистотой на рынках, налагал пени на купцов, занимался переводом крестьян в купечество и мещанство, сбором налогов, решал имущественные споры [24, с. 26, 29]. Ситуация осложнялась отсутствием в провинциальных городах достаточного количества подготовленных чиновников и многообразными проблемами, связанными с открытием органов власти на новых местах.

Сходные рассуждения широко представлены в трудах историков. В 1915 г., подводя первые итоги судебным реформам императора Александра II, Н.П. Мухин подчеркивал остроту кадровой проблемы. По его данным, чиновники «избегали приезда в Олонецкую губернию». Особенно тяжелой оставалась «служба исполнительных чинов полиции, обязанных производить не только дознания, но и следствия». Приговоры уголовной палаты десятки лет не приводились в исполнение и накапливались сотнями». Положение обвиняемых также оказывалось незавидным: они «томились по несколько лет в заключении, ничего не зная о положении дела». Но и удачное завершение судебного процесса имело плачевные последствия: «для объявления приговора привлеченное к делу лицо с места своего жительства вызывали в Петрозаводск иногда за 700 верст». Это отвлекало от работ, «лишало всякой возможности обжаловать приговор в срок» [18, с. 8]. Современные исследования содержат аналогичные скептические оценки [24, с. 60]. Привлекая учреждения ведомства внутренних дел к самым разным функциям, правительство отвлекало их от главной задачи – борьбы с девиантными проявлениями.

Реформирование судебных органов также оказалось непростой задачей. Одним из первых начинаний в деле преобразования судебной системы стало появление мировых судов. В наказе, опубликованном в 1876 г., обязанности местных мировых судей оговаривались предельно подробным образом. В наказе говорилось, что заседания мирового суда публичны, «за исключением тех случаев, когда рассмотрение дела должно, по закону, происходить при закрытых дверях» [19, с. 3]. По ряду причин, «главным образом финансового свойства, а также по недостатку в личном судебном персонале, повсеместное осуществление судебного преобразования сильно замедлилось» [18, с. 13].

Поэтому к 1894 г. двадцать три губернии, включая Олонецкую, «оставались при старом дореформенном суде». Формировавшееся в губернии земство «неоднократно через своих представителей возбуждало ходатайства перед правительством о введении в Олонецкой губернии суда присяжных» и открытии окружного суда. В мае 1894 г. начинание осуществилось. Исследование, проведенное в связи со всеми перечисленными реформами, показало, что «число лиц местного населения, обладающих личным и имущественным цензом для исполнения обязанностей присяжных заседателей», оказалось равным 1600 человек [18, с. 16].

В феврале 1898 г. император утвердил мнение Государственного совета о введении суда присяжных в Олонецкой губернии. В июле 1898 г. состоялось торжественное открытие суда присяжных заседателей [18, с. 17]. Судебные органы власти в Олонецкой губернии оказались в таком же положении, как и все прочие административные органы. Они столкнулись с нехваткой кадров, слабой подготовленностью имеющихся работников. Но судебная система испытывала и специфические проблемы. Наряду с государственными законами в губернии сохраняло свое значение обычное право. Множество судебных дел, в особенности имущественных споров, решались самими крестьянами. Они избегали обращаться в органы власти, не без оснований опасаясь волокиты и непредсказуемых решений. Для того чтобы эффективно предотвращать девиантные проявления, деятельность судебных органов оказывалась недостаточной. Остро ощущалась необходимость в воспитании законопослушных граждан и подготовке чиновников для местного аппарата власти. Так появилась система начального образования.

Важным фактором стабильности в поведенческой сфере стала школа. Ее усилия были направлены на ускоренную адаптацию подрастающего поколения к существующим порядкам. Как говорилось в отчетах благочинных начала XX в., «с увеличением числа грамотных нравственность в народе возвышается». Ведущим критерием здесь стало «отсутствие нескромных песен и игр и прекращение увеселений в установленные Святой Церковью посты» [20, л.

147]. В труде А. Чупрова, написанном в конце XIX в., содержатся аналогичные выводы, подкрепленные статистическими данными. Как оказалось, лица, «прошедшие хоть какую-либо школу», составляют среди осужденных «самый ничтожный процент, а именно 2%». Каждый четвертый нарушитель закона (25,8%) относится к числу грамотных, а 72,2% осужденных за различные преступления неграмотны [28, с. 635]. В конечном итоге, благодаря образованности в народе росло «тяготение к нормам писанного закона, ограждающего личность от судейского произвола и предоставляющего больший простор для ее самоопределения» [2, с. 76]. Однако влияние школы не следует преувеличивать. В начале XX в. заметный рост числа учащихся, как подчеркивал В.А. Копяткевич, совпал с ощутимым ростом разнообразных форм девиантного поведения [10, с. 21]. Длительное время находясь в деревне, учителя менялись не в лучшую сторону: «Грубая среда, в конце концов, заглушает в них все доброе, святое и они ничем не отличаются от неграмотных серых мужиков» [23, с. 7].

Общественное мнение также не могло стать серьезным фактором, препятствующим девиантным проявлениям. Его влияние, особенно в городах, становилось все менее значимым. Не менее важным является и другое обстоятельство. У общества отсутствовал некий единый идеал, противопоставляемый девиантным образцам поведения. В средние века таким идеалом могли послужить жития святых. По мере роста секулярного сознания использование этой разновидности литературы в поисках идеалов, применимых к повседневной жизни, оказалось маловероятным. Более того, память верующих нередко противопоставляла благочестивых предков и забывающих о христианской морали современников, косвенным образом санкционируя девиантное поведение. Общепринятые нормы вообще трудно точно определить, в результате чего девиантность принимает огромное множество промежуточных форм между отклоняющимся и одобряемым обществом поведением.

Проблема социального контроля, помимо прочего, имеет и гендерный аспект. Согласно карельским обычаям «муж обязан содержать свою жену, ... между карелами, несмотря на их крайнюю бедность, очень редки нарушения этой обязанности» [7, с. 111]. Попытки самостоятельно добиваться социальной реализации для женщин представлялись просто невозможными. Права женщин ограничивались законом и традициями. Последние действовали значительно более эффективно, охватывая большее количество сфер жизни, чем законодательство. Субъективное ощущение приниженности, подавленности у женщин XVIII-XIX вв. не возникало. Это расценивалось как обычное, освященное веками положение дел. Вообразить иную ситуацию не представлялось возможным. Такие воззрения сами по себе служили механизмом подавления инициативы женщин. Современникам событий рисовалась предсказуемая картина взаимоотношений полов. С одной стороны, «многовековая борьба северного человека с природой выработала в мужчине энергию, силу воли и любовь к труду, там, где это обещало увенчаться успехом». С другой стороны, «вечная неволя, при невозможности открытой борьбы выработала в женщине те неприглядные привычки и хитрости к действительной или притворной робости, к всевозможным видам кокетства и лицемерия, которые, так или иначе, облегчали ее незавидную судьбу» [1, с. 3].

Мощным фактором в ограничении прав всех женщин стало нормативное давление. Этот термин описывает механизм того, как человек вынужден подстраиваться под общественные или групповые ожидания (социальные нормы), чтобы общество его не отвергло. Нормативное давление присутствует и в поддержании приверженности гендерным ролям. При условии соблюдения существующих гендерных норм нормативное давление оставляло для женщины возможности для творчества, достижения более высокого социального статуса. Например, в крестьянском коллективе особый статус имели плачеи, выступавшие в роли знатоков обрядов, связанных с погребением. Но в тех сферах, где традиционные нормы не могли действовать, возникало более свободное пространство для проявления женской инициативы. В конце XIX в.

появились многочисленные женщины (предпринимательницы и учительницы), для которых традиционные нормы стали пустым звуком. Важнейшими факторами, способствующими развитию эмансипации, стали новшества религиозной жизни, рост образованности и экономическое расслоение общества. В традиционной культуре отсутствовали готовые сценарии поведения, связанные с новациями. Поведение сограждан отныне строилось по иным, более свободным и индивидуализированным принципам.

Постепенно формировались законные и эффективные способы создания и закрепления нового статуса женщин. Начальное образование стало сферой, где женская инициатива могла проявиться в полной мере. Школа радикально модифицировала традиционную схему взаимоотношений полов. Во-первых, в школе девочки впервые конкурировали с мальчиками. Исход конкуренции определялся интеллектом, а не был заранее предписан традиционным деревенским обиходом. Во-вторых, школьная жизнь протекала под контролем женщин-учительниц, считаться с которыми, были обязаны все учащиеся. Для мальчиков подчинение женскому руководству стало фактором, заметно трансформирующим традиционные гендерные роли. Наконец, педагогический коллектив формировал нормы поведения, отличавшиеся от традиционных правил. Все перечисленное создавало возможность становления и длительного существования альтернативных гендерных норм поведения, которые стремительно формировались на глазах у подрастающего поколения.

Подводя итоги, отметим, что в ответ на проявления девиантности, которые угрожали общественному спокойствию и «благочинию», принимались жесткие меры, в той или иной степени связанные с социальным контролем. Однако судебные приговоры и наказания виновных сами по себе не были способны противостоять девиантным проявлениям, число которых постоянно и существенным образом увеличивалось. Одним из существенных факторов здесь стала кадровая проблема: количество подготовленных работников, способных вести следствие и выносить приговоры, опираясь на сложное законодательство Российской империи, оставалось в Олонецкой губернии небольшим и слабо

увеличивалось на протяжении всего XIX – начала XX вв. Многие девиантные проявления, представлявшие общественную опасность, не укладывались в рамки действовавшего законодательства, подлежали церковному суду, но и здесь возникали существенные сложности, как в разграничении полномочий судов, так и в гибком, быстром и точном реагировании на происходящие события.

Другим существенным фактором, призванным решить ряд проблем девиантности, стало формирование и развитие системы народного образования. Не стоит видеть в увеличении числа школ простой рост числа учреждений, дававших рациональные знания о мире, но в основном обучавших чтению и счету. Значение школ заключалось в преодолении сложившихся гендерных стереотипов, приучении молодежи к цивилизованным формам общения, расширении кругозора. Оценка влияния школ на девиантность является сложной исследовательской задачей. С одной стороны, школа вырывала мальчиков и девочек из крестьянской среды, где поведение в значительной мере определялось традиционными нормами. Отклонение от них нередко приводило к физическому насилию по отношению к лицам, не согласным с освященным веками укладом. С другой стороны, школа открывала простор для формирования новых поведенческих стереотипов, не все из которых оказывались положительными. Современники не без оснований указывали на печальный факт: живя среди крестьян, учителя постепенно впитывали не самые лучшие нормы поведения местных жителей и зачастую не могли стать препятствием на пути девиантных проявлений или даже просто служить примером для воспитанников.

Список литературы:

1. Анзимилова М.Н. Причины нравственной физиономии женщины. Исторический очерк с приложением статей по женскому вопросу. СПб., 1901. 452 с.
2. Бржеский Н. Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. 348 с.

3. Брэйтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 310 с.
4. Гишинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб.: Изд-во института социологии РАН, 1998. С. 14.
5. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 543 с.
6. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.
7. Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб., 1877. 486 с.
8. И. Л-н. За Богом молитва, за Царем служба не пропадают // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 72. С. 3-4.
9. Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 348 с.
10. Копяткевич В.А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897-1911 гг. Петрозаводск: Олонецкая губернская тип., 1914. 25 с.
11. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
12. Кравцов М.Ю. Функции социального контроля // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 7, Филос. 2011. № 1 (13). С. 119-122.
13. Кузнецова Е.М. Формы и развитие социального контроля // Омский научный вестник. 2006. № 4. С. 52-56.
14. Листова Т.И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX вв. М.: Наука, 2004. С. 711-721.

15. Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб.: Наука, 1993. 238 с.
16. Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 458 с.
17. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 480 с.
18. Мухин Н.П. К двадцатилетию Петрозаводского окружного суда. В связи с пятидесятилетием судебных уставов императора Александра II. Петрозаводск: Олонецкая губернская тип., 1915. 21 с.
19. Наказ о внутреннем распорядке и делопроизводстве в судебных установлениях Петрозаводско-Повенецкого мирового округа. Петрозаводск: Б. и., 1876. 15 с.
20. Отчет благочинного первого округа Олонецкого уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 147.
21. Пр-ий А. Нищенство как промысел // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 11. С. 255-256.
22. Примеченный образ правления в деревнях разного рода государственных крестьян // Архив Санкт-Петербургского Института истории. Ф. 3. Оп. 1. Д. 380. Л. 130-149.
23. Родин И.М. Ответ на слова: «и несть избавляющего» // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 24. С. 7.
24. Сабанцев А.Н. Судебные учреждения Олонецкой губернии в конце XVIII – начале XX века (проведение судебных реформ 1775 и 1864 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 131 с.
25. Степанов А.В. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений. М.: Товарищество типолитографии В. Чичерин, 1910. 175 с.
26. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Европейской России за 1874-94 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3. С. 141-149.

27. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М.: Унив. тип., 1901. Вып. 1. С. 3-41.

28. Чупров А. Некоторые данные о нравственной статистике России // Юридический вестник. 1884. № 8. С. 635-639.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.